

— О первой неудачной попытке коллективного выступления против Гострема как научного руководителя, предпринятой в 1973-м году в университете в виде обращения с жалобой на него в партком и ректорат, я уже писал. Вторая (если не считать разрозненных попыток критики на профсоюзных собраниях) состоялась летом или в начале осени описываемого 1974-го года, причём случилось это безо всякой подготовки, можно сказать, спонтанно. Сошлось, видимо, так, что он допёк своими фокусами сразу несколько человек из научно-организационного актива, и на одном из производственных совещаний, проходившем во втором здании обсерватории и посвящённом ходу выполнения "Каштана", нас прорвало. Собрались Иванов, Саенко, Лаговский и я - от обсерватории, Ермоленко, Юсупов, Латышев - от университета. Пока ждали Гострема, пожаловались друг другу на него, повозмущались, и вдруг решили:

— Надо выступить всем вместе. Воевать с ним поодиночке - бесполезно, а вот если он увидит, что мы все заодно, то, может, и одумается.

— Так а в чём дело? Давайте прямо сейчас и выступим.

— И выступили.

— Начал я, потом Иванов, за ним Ермоленко, Саенко, Лаговский. Один Юсупов только как человек сравнительно новый помалкивал, да и тот потом оправдывался:

— Я, ребята, с вами полностью согласен, но мне всё же неудобно против Гострема выступать.

— Суть всех выступлений сводилась к одному:

— Не мешайте нам работать. Предоставьте свободу ответственным исполнителям. Не суйтесь со своими указаниями туда, где всё равно ничего не понимаете. Нам не нужна даже ваша помощь - только не мешайте, иначе мы "Каштан" завалим.

— Гострем, похоже, не ожидал такого единодушия. Сначала он пробовал отделаться от нападок как всегда - тарабарщиной из общих коверканых фраз, сводившихся, в общем-то, к одной:

— Работать надо, так сказать, а не демагогией заниматься!

— Но хор возмущённых голосов нарастал, и мы впервые увидели Гострема растерянным. Однако нашёлся он быстро, и ход его оказался неожиданным для нас: голос его вдруг задрожал, лицо покраснело, глаза наполнились слезами, чуть ли не всхлипывая, он произнёс:

— Хорошо, я уйду, но вы об этом ещё пожалеете! - хлопнул дверью и ушёл.

— Этим дело и кончилось. Ничего, разумеется, не изменилось. В последующие дни Гострем вёл себя так, как будто бы ничего не произошло, так же уверенно командовал, исчезал, появлялся то здесь, то там, хохотал, кривлялся, в общем, выступал в своём репертуаре...

— Правда, одно обстоятельство впоследствии оказалось немаловажным для нас с Сашулей. Гострем, отчасти справедливо, решил, что в обсерватории бунт Иванова, Лаговского, Саенко инспирирован мной. В Ульяновке он бывал теперь гораздо реже, чем раньше, так как жил в Калининграде, а когда появлялся - ощущал вокруг себя атмосферу непочтительности и даже недоброжелательности, исходившей, по его мнению, прежде всего от меня и мною повсюду распространяемой.

— Вы не любите старших уважать, так сказать, какой это пример для других! - не раз выговаривал он мне.

— И действительно, я резче всех разговаривал с ним, временами просто грубо - в соответствии с чувствами к нему, которые я испытывал, глядя на его выходы (впрочем, ещё грубее разговаривали с ним наши пролетарии вроде Кости Короля или Вани Каратеева, которые откровенно его презирали и при случае не стеснялись в выражениях). Поэтому, думаю, Гострем решил изъять меня из ладушкинского коллектива, разлагаемого мной, и перевести в Калининград, поскольку моё ближайшее окружение в Калининграде -

Костя, Лёнька, Смертин, Суроткин, - не столь строптиво и вряд ли пойдёт за мной бунтовать.

—Вообще в университете Гострем себя чувствовал увереннее, чем в обсерватории, где он уже настолько потерял авторитет, что его порой и в глаза могли послать куда подальше - тот же Король или Костя Старостин. В университете же традиционно было развито чиновничество, и профессорский титул ограждал Гострема от явных нападков, которых не стеснялись в обсерватории. К тому же сотрудники НИСа, сидевшие на хоздоговорных ставках и составлявшие подавляющее большинство гостремовской команды в КГУ, просто боялись, и не без оснований, потерять своё место по истечению срока договора, такая угроза не висела только над штатными преподавателями университета, а их у Гострема числилось всего ничего - человека три только (Кондратьев, Соколова и ещё кто-то).

—Так или иначе, на одном из заседаний месткома (председателем тогда вновь стал Шагимурагов, а его заместителем - я) Гострем объявил, что оформлено долевое участие обсерватории в строительстве жилья в Калининграде, и предложил установить очередь на получение квартир: на двухкомнатные квартиры поставить первым Лаговского, а на трёхкомнатные - меня (как кандидата наук), мотивировав это производственной необходимостью. ЭВМ, мол, будет стоять в Калининграде, и всё моделирование надо в первую очередь сосредоточить в Калининграде, где уже работает большинство специалистов, а не в Ульяновке. Постепенно, мол, все научные сотрудники переедут в Калининград, а в Ладушкине будут жить только техники и лаборанты. Местком не возражал. Я во всю эту затею вообще поначалу не верил, хотя Лаговский, занимавшийся оформлением долевого участия, уверял меня, что всё совершенно реально, и вполне возможно получение квартир уже в будущем, 1975-м году. Мне же казалось, что Гострем просто задабривает нас с Лаговским, а потом всё равно надует - либо квартир вообще не будет, либо он их другим отдаст.

—Сашуля в Калининград уже не рвалась как раньше, в Ладушкине она привыкла, со многими сдружилась, и верхом её желаний было - переехать с первого этажа куда-нибудь повыше. Ну и, конечно, не помешала бы третья комната, тем более что мы решились, наконец, завести второго ребёнка. Ещё когда в Ладушкине отдыхали Ляцкие с маленьким Артуром, и потом, когда у Тихомировых родился Федька, в Сашуле пробудились чувства к малышам, которых она не испытывала по отношению к маленькой Иринке; ей страсть как нравилось сюсюкаться с ними, но самой решиться на второго ребёнка было страшно. Тем временем Иринка росла, становилась всё самостоятельнее, с ней уже не было особых хлопот, и если уж рожать ещё, то тянуть больше было нельзя, Сашуле уже за тридцать, и так разница в возрасте между детьми будет большая. Как ни странно, и я был за второго ребёнка.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)